

ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛАНИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Юг и Восток

Сомалийские пираты в последние годы по странному стечению обстоятельств оказались телезвездами первой величины. По всем средствам массовой информации по обе стороны океана показывались многочисленные репортажи о захватах судов, выкупах, а так же фотографии «кровожадных» пиратов. Пираты фактически орудуют на самом оживленном торговом пути из Азии в Европу, и потенциальный экономический ущерб от их атак сравним, пожалуй, только с их же «наглостью» и «жестокостью», ведь они не просто захватывают суда и держат экипажи «на мушке», но и, что более важно в глазах обывателя, подрывают своими действиями мировую экономику, жестоко усугубляя и без того кризисную ситуацию. Как и любая девиация духа в современном мире, «наглость» пиратов наказуема – мировые силы, как спасатели из детских мультфильмов, «спешат на помощь», и средства массовой информации начинают пестреть сообщениями об успешных захватах слуг культа «веселого Роджера». «Успехов» много, а результата нет – суда как и ранее захватываются, выкупы выплачиваются, а пираты все «наглеют». Так, например, спустя почти два года после начала глобального миротворческого порыва военно-морских сил разных стран, пираты, дабы финансирование их деятельности вышло на постоянную и легальную основу, официально объявили о создании в г. Харадхере биржи, на которой можно покупать «ценные бумаги разбоя» и получать прибыль от успешных захватов кораблей. Рекламой этой биржи стала история, которая в других условиях вызывала бы слезы: пожилая потерявшая мужа женщина вложила в биржу последним, что у нее было, она отдала несколько снарядов от миномета, которые даже при мизерной стоимости в связи с переполненностью Сомали оружием, принесли ей через некоторое время 75000 долларов дивидендов [1]. Такое положение дел вкупе со спецификой его освещения в средствах массовой информации иначе как шоу назвать сложно. Шоу, в котором пираты имеют сразу много ролей – от трагических до комических, а международные войска выступают исключительно в роли декораций. Широкомасштабной военной операции, которая явно напрашивается, никто даже не планирует, хотя активизация пиратов в районе африканского побережья длится уже несколько лет и за это время им было выплачено более двухсот миллионов долларов выкупа.

Эта ситуация не была бы настолько удивительной если бы действия пиратов были выгодны кому-нибудь кроме них самих – но нет, выгода если и есть, то у столь узкого и специфического круга лиц, что его влияния вряд ли бы хватило для широкомасштабного лобби. Она не была бы настолько парадоксальной, если бы страны мирового сообщества не обладали военными и техническими ресурсами для осуществления спланированной эффективной операции. Но и здесь все в порядке – военно-технический потенциал, как показали события недавних войн на востоке, огромен, а, кроме того, соответствующие войска приобрели боевой опыт, что так же является важной позитивной предпосылкой. Пожалуй, остается последнее препятствие – «общественное мнение» мирового сообщества, но и здесь особой проблемы нет, ведь Сомали – фактически несуществующее государство, в котором власть, называемая центральной, не контролирует всей территории страны, а значит и «не отвечает», за нее. В этой ситуации, ни ООН, ни любая другая международная организация не будут препятствовать проведению операции.

Казалось бы, объективных препятствий для решения вопроса Сомали не существует, но, как легко убедиться, не существует и адекватных попыток его решения. И все это притом, что проблема Сомали является реальной, или, по крайней мере, на первый взгляд гораздо более реальной и значимой, чем многие другие проблемы, на решение которых были брошены большие ресурсы.

Совершенно иная ситуация со странами Ближнего и Среднего Востока. Бросив лишь беглый взгляд на то, как происходило нападение стран НАТО на Ирак или Афганистан, легко понять, что в отличие от ситуации с Сомали, все три потенциальных препятствия были взяты чуть ли не олимпийским прыжком, поскольку представляли собой непроходимые стены. Так, существовал довольно широкий круг интересов, для которых война на востоке была не выгодной – от стран, осудивших вторжение, до предпринимателей, занимавшихся той или иной формой бизнеса в этом регионе. Кроме того, широкомасштабная война на чужой территории, в удалении от непосредственных баз в условиях, когда предыдущий опыт таких войн уже во многом устарел, война против подготовленных вооруженных сил с широкими возможностями ведения, как непосредственных боевых действий, так и диверсионно-террористической войны, все это и многие другие обстоятельства заставляют задуматься, о том, насколько военные, технические и экономические ресурсы, задействованные в операциях, были адекватны и могли ли они вообще быть адекватными при учете всех возможных условий. Последние события в Ираке и Афганистане показывают, что существовал явный просчет в подготовке или скорее любой заранее сделанный расчет, позволявший начинать операции против этих стран, был бы априорно неудачен. Что касается реакции мировой общественности, то и здесь все обстояло не гладко. В Ираке оружия массового поражения не нашли, хотя формальной причиной нападения было именно его

присутствие в границах этой страны. В Афганистане не справились с Аль-Кайдой, хотя именно такую цель провозглашала администрация Д. Буша. ООН не дала согласия на операцию против Ирака. Многие общественные организации указывают на серьезные нарушения в ходе боевых действий и несоответствие стандартам гуманности, а люди западных стран выходят на антивоенные демонстрации.

Обобщив сказанное, можно сделать вывод, что начать войну на Востоке было крайне сложно – против нее выступало такое множество факторов, что само ее начало, как кажется, является своего рода прыжком через непреодолимый барьер. И, тем не менее, она началась. Война же с сомалийскими пиратами, для которой на всех направлениях дан зеленый свет, не только не начинается, но даже и не планируется. Именно это наводит на мысль, что ситуация здесь несколько сложнее как официальных версий [2], так и кулуарных [3]. Оставим на время рассмотренную тематику и поговорим еще об одной «телезвезде» последних лет – о кризисе.

Кризис и желание

Финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., пройдя несколько витков за последние годы, подходит, по видимому, к началу витка нового. Сегодня эксперты озабочены уже не огромными долгами компаний, которым государство выделяло деньги, не тем, что по этим долгам рано или поздно придется выплатить проценты, и не фразой, ставшей главным ужасиком Halloween 2008: «ликвидности не хватает». В данный момент эксперты озабочены вопросами уже не уровня компаний и корпораций, а скорее уровня государств. Так, сейчас взгляды экспертов прикованы к Китаю и США и считается, что именно от того, как пойдут дела у этих стран, будет зависеть будущее мировой экономики [4]. Этот важный момент следует проанализировать подробнее.

Проблема Китая и США может быть описана простой схемой: в современной структуре глобальной экономики Китай должен производить, а США должны потреблять. Китай выполняет свою роль сполна – по результатам 2009 г. его производительные мощности выросли вместе с объемами производства [5]. А вот США со своей ролью справляется слабо – активность потребителей постепенно падает и товаров продается гораздо меньше чем раньше [6]. Это создает огромную проблему для мировой экономики, поскольку Китай, искусственно раздувая производственные мощности, спрос на которые был в последние годы высок, в ситуации низкого спроса может оказаться перед разбитым корытом, полным долгов от «мыльных пузырей» необоснованного роста промышленных мощностей. Если это случится, то вместе с избыточными мощностями в силу проблем с экономикой начнут сыпаться и реально работающие не «мыльные» предприятия. Складывание Китайской экономики как карточного домика повлечет за собой еще более тяжелый общемировой кризис.

Несмотря на кажущуюся простоту и интуитивную понятность этой схемы, она включает в себя элементы, интуитивная понятность которых может быть поставлена под вопрос. Во-первых, почему американцы перестали покупать? Банальный ответ, которым эксперты пользовались год назад был прост – «у них нет денег», но сейчас, когда американская экономика накачана деньгами, он уже не выглядит столь убедительным. Во-вторых, население Китая больше населения США в 4,5 раза. Это значит, что даже, если потребители в США откажутся потреблять, почему бы не распределить избыток товаров в самом Китае? Обычно на это отвечают так: в Китае огромное число сельских жителей, которые не будут потреблять «городские» товары, да и само городское потребление Китая не может сравниться с потреблением в США, не смотря на наличие средств у населения. Но тогда встает другой вопрос, а почему дело обстоит именно таким образом? Почему китаец не потребляет так же, как и его коллега за океаном? Чем он отличается от американца? И, наконец, почему сами американцы перестали потреблять? Чтобы ответить на эти вопросы экономических инструментов уже не достаточно. Именно здесь, проходит та граница, за которую редко идут экономисты, но за которой скрывается нечто, неизменно определяющее предмет их разговоров. Этим нечем является реальность культуры, которая хоть обычно и обходится аналитиками стороной, но от этого не становится менее значимой.

Ответом на вопрос о том, почему люди потребляют, обычно является ссылка на простую форму сообразности с условиями среды: если есть возможность потребить тот или иной товар, значит, акт потребления будет осуществлен, если такой возможности нет, то и потребления не произойдет. В число условий обычно включают экономические, социальные и иногда политические. Но все эти условия оказываются условностями, когда речь заходит не о механическом акте, предсказанном, например, экономической теорией, а о реальном человеческом действии. Факт потребления американцем не может быть объяснен простым указанием на благоприятные экономические условия, поскольку, например, в Китае похожие обстоятельства в свою очередь такого факта могут и не породить. Единственное, что мы можем сказать об акте потребления – это то, что если он произошел, то на индивидуальном уровне существовало *желание* его совершить. Желание в этом случае выступает как особая предпосылка не только потребления, но и любой деятельности, а потребление является лишь ее частным случаем. Под деятельностью здесь следует понимать любые действия индивида, которые обладают свойствами осознанности и целенаправленной активности по отношению к вещам.

Желание и экзистенциальный проект

Чтобы пойти дальше, нужно сделать замечание, относительно данных нами выше определений. Важно особо указать на то, что мы ограничили их лишь физическим миром и миром вещей. Это значит, что многие человеческие практики, которые лишь в малой степени связаны с физическим миром, оказываются за границами данного нами определения, а значит, их нельзя характеризовать с использованием понятий желания и действия. Мы считаем, что это справедливо, поскольку определенные нами понятия могут быть адекватны лишь при взгляде на современное модернизированное общество, встроившее в себя элементы европейской культуры, а для других культурных сообществ «желание» и «деятельность» оказываются неприменимыми, поскольку не существует референта, с которым они могут быть связаны. Важную роль в объяснении этой мысли играет понятие экзистенциального проекта [7]. Экзистенциальный проект согласно идее А. Секацкого, это некоторый способ воспроизводства человеческого в человеке, т.е. задания мерил человека как такового. В основании экзистенциального проекта лежит культурная матрица, в которой заложены параметры интерпретации основополагающих категорий человеческого бытия. Так, экзистенциальный проект, являющийся основанием европейского мышления – это экзистенциальный проект Христианства (далее ЭПХ) с присущими ему специфическими особенностями. Наиболее важной из них для нашего рассмотрения будет то, что ЭПХ отделяет *смысл* от реального мира, перенося его в иной, трансцендентный мир. Изъятие смысла превращает реальный мир *всего лишь* в мир вещей, а значит, исключает запретные инструкции на оперирование его содержимым. В данном случае мы рассматриваем смысл лишь как функцию запрета, сужающую восприятие по сравнению с отсутствием смысла, как потенциальной возможностью появления любого. Таким образом, можно сказать, что последствием ЭПХ является сама возможность разграничения «принципа реальности», как формы непосредственного взаимодействия с миром вещей и «принципа удовольствия», который имеет опосредованный смыслами мира характер. Именно такое разграничение на экзистенциальном уровне сделало возможным проект того, что сегодня принято называть «наукой». А это в свою очередь важно, поскольку именно современные научные институты занимающиеся последовательным производством принципа реальности, сегодня являются предметом импорта всеми без исключения странами и культурами. Европейская культура, лишив вещи смысла, научилась работать с ними настолько эффективно, что смогла обеспечить себе роль «хозяина» в современном мире, впрочем с условностями, о которых мы поговорим позже. Теперь можно вернуться к тому, с чего мы начали, а именно к желанию и деятельности. Оба этих понятия связаны с миром вещей, причем с миром вещей, каждая отдельная часть которого в силу отсутствия смысловых запретов является *доступной*. Именно поэтому желание приобретает непосредственный характер, связывающий его с деятельностью, а не опосредованный теми или иными медиаторами-запретами.

Вернемся к рассмотренным нами примерам. Можно заметить, что желание имеет две интересные особенности. С одной стороны, в развитых странах мы встречаемся с флуктуациями спроса, которые могут происходить и независимо от экономического контекста, т.е. желание может уменьшаться и увеличиваться в определенных пределах. С другой стороны, что более характерно для стран развивающихся, спрос растет медленно и никак не зависит от попыток его стимулирования. Это говорит о наличии некоторого порога, который желание не может переступить сразу, и делает это лишь постепенно обычно в соответствии с прогрессом развития модернизации в стране. В первом случае можно говорить о силе желания, как культурологической характеристике, определяющей насколько активной может быть деятельность индивидов по преодолению трудностей для достижения цели. Второй случай говорит нам о том, что сила желания имеет как текущее значение, так и некоторые границы в которых она может изменяться. Верхнее значение этих границ мы назовем пределом желания. Предел и силу желания можно для наглядности рассматривать как форму и содержание. Предел желания репрезентирует формальную сторону, как саму возможность желания в тех или иных пределах, а сила желания – реальное наполнение этой формы, которое лишь способно в нее поместиться, но не изменить или расширить. Если обратиться вновь к концепту экзистенциальных проектов, стоит отметить, что ЭПХ вполне однозначно влияет на предел желания, постоянно увеличивая его, т.е. за счет рационализации и элиминации смысла, постоянно расширяя возможности для желания. В то же время, его влияние непосредственно на силу желания оказывается противоположным. Принцип реальности, порожденный ЭПХ, является крайне враждебной субстанцией по отношению к желанию. Желание, как содержательная характеристика не может быть познано через форму. В некотором смысле любые содержательные элементы всегда находятся за пределами формальных определений, будь то аксиомы математики, которые единственно и говорят нечто *существенное* или моменты других дискурсивных формаций [1], которые получают некоторое значение в рамках того или иного дискурса, но их полное содержание не может быть определено через него. Получается, что ЭПХ лишь подготавливает почву для желания,

преобразуя *мир* к модусу поставы [2], постоянно расширяя предел и возможности желания, но при этом сила желания остается за границами как поставы, так и принципа реальности вообще [8].

Кроме того, ЭПХ не только сам не воспроизводит желание, но и расходует его. Характер этой траты напоминает то, что происходит с машинным маслом в двигателях внутреннего сгорания – оно хоть и не должно расходоваться при использовании абсолютно идеальных деталей в идеальных условиях эксплуатации, но в реальной ситуации, его количество постепенно убывает. Кроме того, двигатель сам не производит его, требуя дозаправки извне. Похожим образом ЭПХ постоянно подталкивает людей к рационализации, оптимизации и соответственно минимизации желания. Оно оказывается закованным в паттерны того, что *уже* было произведено и оказывается неспособным желать большего, несуществующего, того, что немислимо на данный момент. Отношение между мыслимым и немислимым приобретает характер спора между рождением нового и производством старого, который средствами самого ЭПХ решается в пользу второго. Именно производство является *новым*, навеки упакованным в определенную форму, а значит бессодержательным по своей сути. Потеря значимости содержания в угоду форме и есть тот специфический принцип, в соответствии с которым сила желания в ЭПХ убывает.

Таким образом, в до этого бывшие сугубо экономическими, отношения США и Китая вмешивается, как кажется, еще один фактор, который носит крайне иррациональный и непредсказуемый характер. Получается крайне интересная картина. Китай, только что дотянувшийся до созидательных глубин принципа реальности и начавший его широкую эксплуатацию, сталкивается с не востребуемостью пожинаемых плодов как у себя, в силу того, что предел желания еще недостаточно высок, так и за своими границами, поскольку другие страны, хоть и обладающие огромным пределом желания, тем не менее, встретились с кризисом силы желания, вызванным подсаженностью на иглу принципа реальности в течение долгого времени. Современных примеров, подтверждающих сказанное, можно найти много. Так, например, гигантский экономический скачок Японии и нескольких других Азиатских стран во в.п. XX в., с последующим плавным замедлением роста и стагнацией, все это может быть легко объяснено исходя из описанных выше принципов импорта ЭПХ и диалектики желания. Однако встает другой вопрос, если ЭПХ неизбежно расходует силу желания, то, как быть с ее воспроизводством?

Воспроизводство желания

Примеры показывают, что, несмотря на постепенную деградацию желания в современных обществах, инсталлировавших в себя структуры ЭПХ, периодически сила желания восстанавливает свои исходные значения и возможно даже несколько превышает их. Это говорит о существовании механизмов его воспроизводства. В соответствии с нашими рассуждениями, эти механизмы должны удовлетворять двум условиям: являться внешними по отношению к ЭПХ и быть непохожими на его собственные внутренние механизмы.

Вернемся к примеру, рассмотренному в первой части. Как было отмечено выше, не существует разумных аргументов за то, чтобы не проводить спец. операцию против пиратов, при этом ни самой операции, ни даже ее подготовки не ведется. С другой стороны, напасть на страны Востока было крайне сложно по многим причинам и, тем не менее, это нападение было совершено. Представим себе, что война – это не только механическое средство по достижению тех или иных политических целей. Как только сам факт военных действий совершается, война перестает быть делом бумаги и идей в головах стратегов, а становится *реальностью*, причем в первую очередь для тех, кто рискует на ней жизнью. Начавшаяся война всегда из разумного проекта превращается в экзистенциальное безумие, над которым разум начинает терять контроль, как в сфере первоначальных планов, так и в более приземленной сфере казарм [9]. Несмотря на универсальность приведенной выше характеристики, войны имеют существенное отличие, заключающееся в экзистенциальном модусе их участника: существуют войны, где есть враг, войны, где врага нет и войны, на которых ты сам являешься врагом. Последний случай нас интересовать не будет. В первом из рассмотренных случаев экзистенциальное ощущение присутствия *врага* вносит порядок и ясность в описанный хаос войны. Враг – это не столько реально противостоящая сила, сколько мифологический персонаж. Если враг появляется в экзистенциальном пространстве участников военных действий, значит, акт мифологизации состоялся, в противном случае война будет вестись в отсутствии врага. Создать врага не так просто, как кажется – на это не способны специалисты по PR или умелые демагоги, как обычно считается, скорее это функция самих культурных институтов, впитывающих на протяжении истории мифологические образы и в любой момент времени способных выплеснуть их наружу. Это значит, что не любой противник может быть анимирован в роли врага, а лишь тот, кому можно найти соответствие в культурной памяти. Экзистенциальное обнаружение врага выполняет важную задачу по упорядочиванию исходного хаоса войны и приведению его к порядку мифа. Это в свою очередь позволяет поставить принцип реальности в подчиненную роль, открыв путь тому экзистенциальному топливу, которое питает любую сколько-нибудь ожесточенную схватку – храбрости и отваге. Все это происходит по схеме, которой по странному стечению обстоятельств придерживаются

большинство Голливудских фильмов: «У нас был план. Он был плох и мы его отбросили. Но проблема осталась и ее надо решать любыми (пусть даже и не разумными) средствами». В качестве дополнительного следствия, с учетом сказанного нами выше, мифологические модусы пребывающей в состоянии «войны с врагом» экзистенции оказываются и модусами порождающими. Рождение происходит в соответствии с описанной схемой – разумность первоначальной формы отбрасывается вместе с породившим ее принципом реальности, и заменяется на свободную игру созидания. Эта игра попутно, в качестве своего эффекта, и порождает новый прилив силы желания, порядком израсходованного ЭПХ. После данного рассмотрения становится ясно, почему Сомали не является столь же желанной целью, как и страны Востока. Создать миф из Сомали Европейской культуре крайне сложно, поскольку крайне сложно подобрать соответствующий образ в культурной памяти С восточными же странами дела обстоят гораздо проще – «Великий Восток», «Таинственный Восток», «Богатый Восток», «Неверный Восток» – все это впаянные в Европейскую ментальность образы, из которых создание соответствующего мифа – лишь вопрос времени и техники. Кроме всего прочего, это значит, что войны на востоке – это не только инструмент политического влияния, но и гигантский механизм по производству желания для западных стран. И действительно, индекс потребительской активности, определяющий уровень желания в экономической сфере, упавший в нач. XXI в., с началом войны на Востоке скачком пошел вверх [10].

Рассмотренный пример показывает лишь один способ воспроизводства желания, но одну из его особенностей можно обобщить на все – это снятие доминирования принципа реальности, открывающее возможность рождения нового смыслового содержания. Любые феномены, соответствующие этому принципу могут быть названы потенциально способными произвести желание, к ним может быть причислена, например иммиграция, стихийные бедствия, терроризм и т.д.

В качестве заключения, наследников и покупателей ЭПХ можно сравнить с вампиром, который, с одной стороны, полностью контролирует жертву за счет того, что обладает более совершенной техникой обращения с принципом реальности, а с другой, высасывает из нее кровь, которой ему самому недостает. Проблема в том, что экспорт и усиление ЭПХ постепенно расширяет границы принципа реальности, что может повлечь за собой проблемы с воспроизводством силы желания и соответствующим влиянием этого факта на общество будущего.

Примечания

1. http://confuz.ru/society/p2_articleid/535.
2. Так часто говорят официальные лица: «Мы пришли в Ирак дать людям свободу» или «Наши корабли в Сомали скоро добьются успеха».
3. Так обычно высказываются в светских непубличных беседах: «Нападение на Ирак произошло из-за нефти», «Вести войска в Сомали значит получить политическое влияние в регионе, но оно никому сейчас не нужно».
4. <http://www.lerc.ru/?part=bulletin&art=27&page=19>.
5. <http://www.rcdm.ru/?p=5717>.
6. Этот параметр обычно определяется на основании рассчитываемого Мичиганским университетом индекса доверия потребителей. Статистический отчет по индексу можно получить на <http://www.sca.isr.umich.edu/documents.php?c=c>.
7. Концепту экзистенциального проекта посвящена статья: Ходырев И.А. Генеалогия дискурсов // Музей и культурное наследие: ситуация постмодерн. Сб.ст. СПб., 2009.
8. ЭПХ с одной стороны не может самостоятельно воспроизвести желание, а с другой, реальность как таковая в ЭПХ заменяется формой реальности – познанием.
9. Так, ни один военный план в истории не оставался неизменным по ходу боевых действий, а его изменение можно трактовать как отказ разуму в его способностях. В «сфере казарм» таким примером может служить идеально укомплектованный и готовый ко всему отряд, у которого с течением боевых действий начинаются проблемы – гибнут его люди, не хватает припасов, выходит из строя техника и т.д. Все это примеры немислимого, встреча с которым анализируется в статье: Ходырев И.А. Генеалогия дискурсов // Музей и культурное наследие: ситуация постмодерн. Сб.ст. СПб., 2009.
10. <http://www.sca.isr.umich.edu/documents.php?c=c>.